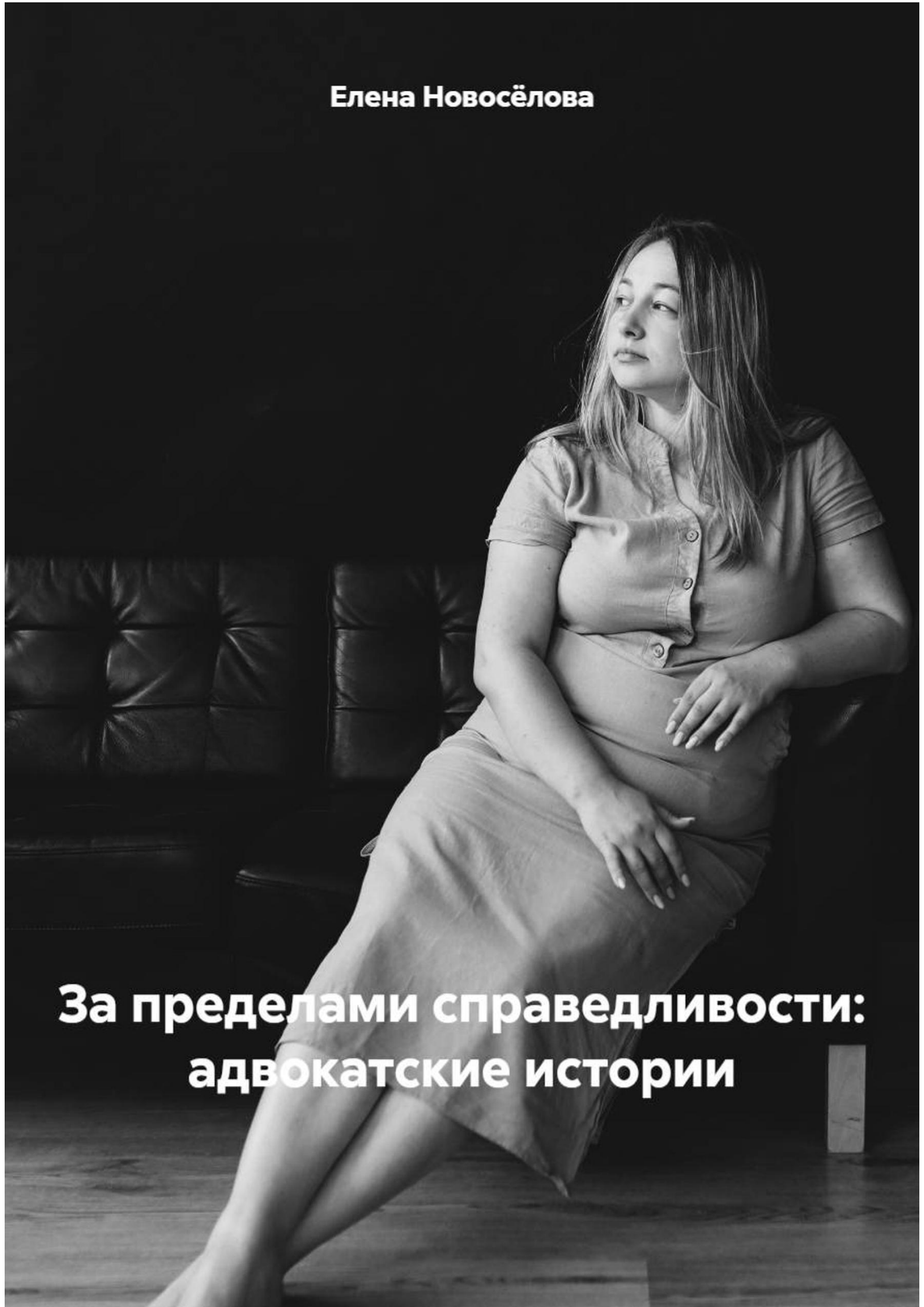


Елена Новосёлова

**За пределами справедливости:
адвокатские истории**



Елена Новосёлова

**За пределами справедливости:
адвокатские истории**

«Автор»

2026

Новосёлова Е. С.

За пределами справедливости: адвокатские истории /
Е. С. Новосёлова — «Автор», 2026

"За пределами справедливости: истории адвокатской практики" — это увлекательный сборник реальных историй, которые проливают свет на закулисы юридической профессии. Автор, опытный адвокат, делится своими переживаниями и уроками, извлеченными из множества дел, которые изменили судьбы клиентов и его собственное восприятие справедливости. Каждая глава книги — это отдельная история, рассказывающая о сложных этических дилеммах, судебных баталиях и эмоциональных взаимодействиях с клиентами. Читатели увидят, как на практике работают законы и насколько сложно иногда бывает отстоять правду в мире, где справедливость не всегда побеждает. Эта книга станет полезным чтением для студентов юридических вузов, практикующих адвокатов и всех, кто интересуется правом и человеческой природой. "За пределами справедливости" приглашает вас в мир, где каждое дело — это не просто юридическая задача, а настоящая человеческая история.

© Новосёлова Е. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
История первая. Молчание Кати	6
История вторая. Мальчик с третьей парты	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

За пределами справедливости: адвокатские истории

ПРОЛОГ

"Я не всегда верила в то, что справедливости нет. Когда-то я думала, что она просто прячется — за томами дел, за судейскими мантиями, за железными дверями СИЗО. Казалось, стоит лишь как следует поискать — и обязательно найдёшь. Прошло десять лет моей практики. Я до сих пор ищу. Но теперь знаю: её нет. Нигде. Зато есть люди, которые её выдумывают каждый день заново — в зале суда, в коридорах следствия, в разговорах с плачущими клиентами. Я — одна из них".

Меня зовут Елена Сергеевна Новосёлова. Я адвокат. Это книга не о победах и поражениях. Это книга о том, как мы, юристы, пытаемся склеить разбитое — законом, совестью, иногда хитростью, иногда отчаянием. И о том, что даже когда ничего не получается, мы не имеем права остановиться.

Три истории. Три жизни, имена изменены, детали, события — тоже вымышлены, но боль осталась настоящей.

История первая. Молчание Кати

Есть звуки, которые остаются с тобой навсегда. У меня их три. Скрип двери в кабинете следователя. Щелчок наручников — не громкий, как в кино, а сухой, будто ломается карандаш. И стук пластикового стаканчика, поставленного на металлический стол. Этот третий — самый страшный. Потому что после него обычно начинают говорить.

Катя тихо поставила свой стаканчик. Я её увидела раньше, чем услышала, — и это, наверное, тоже про неё, про всю её жизнь. Её сначала видели. Слышать — не успевали.

Был октябрь, мокрый, серый, какой-то изношенный октябрь, когда асфальт пахнет железом, а люди в метро кашляют все разом, словно по команде. Я спешила в отдел — меня вызвали как дежурного адвоката, и на часах было четверть восьмого вечера, а я с утра ничего не ела, кроме половины яблока в машине между двумя заседаниями.

Катя сидела в коридоре одна. Лампа над ней мигала — две вспышки, пауза, ещё одна. И в этих вспышках её лицо то выныривало из полутьмы, то снова уходило в неё, и я успевала заметить только фрагменты: разбитую губу, заплывший глаз, светлую прядь, выбившуюся из хвоста и прилипшую к виску.

Ей было двадцать шесть лет.

Я смотрела на неё и думала ту мысль, которую всегда думаю в такие минуты, и которую никогда никому не говорю вслух: «Только бы успеть. Господи, только бы успеть.»

— Новосёлова, адвокат, меня наняла Ваша мама — представилась я. Села рядом — не напротив, а рядом, на соседний пластиковый стул, и поставила сумку на пол.

Она кивнула — едва заметно, как делают люди, у которых давно болит голова.

— Я не буду писать, — сказала она. — Я уже им говорила. Я просто пришла, потому что повестка.

Голос у неё был тихий, ровный, без интонации. Так говорят не уставшие — так говорят те, кто уже не верит, что от их слов что-то изменится. Я знаю эту интонацию. У неё нет диалекта, нет возраста, нет пола. Это интонация людей, которых много раз не слышали.

— Я просто посижу, — сказала я. — Если хотите — поговорим. Не хотите — помолчим.

Она не ответила. Я считала минуты по часам напротив. Большие, советские, с уставшей секундной стрелкой, которая иногда дёргалась назад на полделения, прежде чем сделать шаг вперёд. Я смотрела на эту стрелку и думала: вот так и она. Делает шаг — и откатывается. Делает шаг — и откатывается.

На восьмой минуте Катя сказала:

— Он не плохой. Он просто... когда выпьет.

И я закрыла глаза на секунду. Не потому, что устала. Потому что эту фразу я слышала уже сто раз. Двести. С небольшими вариациями: «когда устанет», «когда я не так посмотрю», «когда его на работе обидят». Формула одна. Виноватая — она.

Я открыла глаза. И — впервые за весь этот вечер — я разозлилась. Не на неё. На себя. На то, что я ещё минуту назад собиралась говорить с ней правильно. Дистанция, профессионализм, граница. Ходатайство, шелтер, кризисный центр. Бумага.

К чёрту бумагу.

— Катя, — сказала я. — Посмотрите на меня. Пожалуйста.

Она подняла глаза. Мутные, белёсые, как сквозь дождь.

— Он плохой, — сказала я. — Я знаю, что вам трудно это слышать. Я знаю, что вы его жалеете. Я знаю, что когда он не пьёт — он другой. Но вот сейчас, прямо сейчас, у вас разбита губа. И заплаыл глаз. И вы пришли сюда не потому, что вам так захотелось. Вы пришли, потому что в какой-то момент сегодня вам стало по-настоящему страшно. Не за себя. За кого?

Она смотрела на меня. Молчала.

— За кого, Катя?

— За Кирюшу, — сказала она тихо. — Он замахнулся... Он раньше никогда...

И я поняла, что у меня есть зацепка. Не та, которую дают в учебниках по юриспруденции. Та, которую дают в коридорах.

— Сколько раз вы писали заявление? — спросила я.

Она задумалась. Шевельнула губами, считая.

— Семь.

Семь. Я повторила про себя — семь. Семь вечеров, семь утра, семь поездок в этот самый отдел, семь пластиковых стаканчиков, семь подписей в протоколах. И семь раз — забрала.

— Почему забирали?

— Куда я с Кирюшей. Куда я с ним.

— Расскажите про Кирюшу.

Она впервые посмотрела на меня по-настоящему. Зрочки сошлись. Что-то промелькнуло — слабое, как огонёк свечи в дальней комнате.

— Он рисует. Кораблики. Всё время кораблики, не знаю, откуда. Мы у моря не были.

— Совсем?

— Совсем.

— А хотели бы?

Она моргнула. И — заплакала. Без звука. Слезы пошли по щекам сами, как будто кто-то открыл кран. Она их не вытирала.

Я сидела рядом и не двигалась. В нашей работе нельзя обнимать клиентов. Это первое, чему меня учили. Дистанция. Профессионализм. Граница.

Я нарушила её один раз в жизни. Тогда. Я положила руку на её плечо — лёгкое, как у птицы, — и держала, пока она плакала.

— Катя, — сказала я. — Я сейчас скажу вам жёсткую вещь. Готовы?

Она кивнула.

— Сегодня он замахнулся на Кирилла. В следующий раз он его ударит. Не специально. Случайно. Размахнётся на вас, попадёт в него — он же четырёхлетний, он будет рядом, он уже бежит к вам, когда вы кричите. Я видела таких детей. Я не пугаю, просто говорю правду. Это произойдёт. Не в этот раз — в следующий. Или через один. И тогда вы себе никогда не простите.

Она плакала. Молча. Я говорила тихо, как будто читала над ней.

— У Вас есть выбор сегодня. Один. Не семь, не восемь — один. Сегодня. Сейчас. Вы напишете заявление и не заберёте его. Вы поедете не домой. Вы поедете со мной. Я сейчас позвоню в кризисный центр, Вас и Кирюшу заберут на машине, отвезут. Это безопасное место. Дальше я веду ваше дело. До конца. Развод, раздел квартиры, алименты — всё. Я не отступлюсь. Я с вами буду до самого приговора. Слышите?

Она подняла голову. Слезы текли, но смотрела она уже иначе.

— А если он... выйдет?

— Я сделаю всё, чтобы он не вышел быстро. Я буду представлять ваши интересы как потерпевшей. Я буду в зале каждого заседания. Я буду говорить вашим голосом, когда вам тяжело. Это моя работа.

Молчание.

— Мне страшно, — сказала она.

— Я знаю.

— Очень страшно.

— Я знаю, Катя. Я знаю.

Тишина. Лампа мигнула — две, пауза, одна. Секундная стрелка дёрнулась назад на полделения, потом сделала шаг вперёд.

— Хорошо, — сказала Катя. — Хорошо.

Это была самая короткая фраза в нашем разговоре. И самая длинная. Я работала ту ночь до утра.

Сначала — заявление. Не то, формальное, что писали раньше, — а развёрнутое, на четыре страницы, с описанием всех семи эпизодов, с приложением фотографий, со ссылками на медицинские справки из травмпункта (они там были, Катя их в своё время носила «на всякий случай», и хорошо, что носила). Я писала, она диктовала. На третьем эпизоде у меня устала рука, на пятом — у неё устал голос, на седьмом мы пили чай из автомата в три часа ночи и молчали, и потом продолжали.

Я переквалифицировала эпизод. Это важная деталь, я объясню. Сегодняшний случай — не просто очередные побои. Сегодня он замахнулся на ребёнка. Это уже другая история. Это статья 119 — угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, плюс — в перспективе — статья 156, неисполнение обязанностей по воспитанию, если будет психологическая экспертиза по Кириллу. И самое главное — учитывая систематичность, есть основание для статьи 117, истязание. Часть 2, пункт «г» — в отношении лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии или в материальной зависимости. До семи лет.

Не 116.1, по которой можно отделаться штрафом. Не «бытовуха», на которую следователю плевать. Истязание — это серьёзная статья. Это в производство к старшему следователю. Это арест.

Участковый, тот самый, что знал её четыре года, посмотрел на меня в шесть утра — он пришёл с ночной смены — и сказал:

— Елена Сергеевна, вы серьёзно?

— Серьёзно. У меня есть семь её заявлений в материалах. У меня есть семь актов медицинского освидетельствования. У меня есть свидетели — соседи снизу, у них стены тонкие, я их найду. У меня есть ребёнок, на которого он сегодня замахнулся, и есть мать ребёнка, которая это видела. Получится.

Он смотрел на меня долго. Потом — впервые за то время, что я его знала, — улыбнулся. — Давайте.

Кризисный центр — это несколько комнат на третьем этаже неприметного дома в районе, который я вам не назову. Там я и забрала Катю с Кирюшей в семь утра. Кирюша спал у неё на руках, обмотанный одеялом, в одном тапочке (второй я не нашла, я потом долго искала, не нашла; купила ему новые, такие же синие, с корабликами, отдала позже).

Добродушная девушка-психолог, открыла нам дверь. Без вопросов. Поставила чайник. Уложила Кирюшу в комнате с двумя кроватями. Села с Катей на кухне.

Я уехала. Мне нужно было ехать в отдел — оформлять задержание.

Его задержали в десять тридцать утра. Дома. Он спал. По его лицу — я потом видела фотографию в материалах, — у него не было ни тени понимания того, что происходит. Он привык, что Катя забирает заявление. Он не знал, что в этот раз заявление написано не Катей. Точнее — Катей, но с адвокатом, который не уйдёт.

Дальше была работа. Долгая, жёсткая, кропотливая.

Я сидела в зале при каждом продлении меры пресечения. Я не дала перевести его под домашний арест — у него не было постоянной регистрации, и я подняла этот вопрос и судья согласился поместить его в СИЗО.

Я нашла соседей. Соседка снизу, Тамара Игнатьевна, шестидесяти восьми лет, согласилась дать показания. Она годами слышала всё. Она сказала на допросе: «Я думала, может, у меня телевизор громко. Один раз пошла стучать — он мне открыл, в одних трусах, пьяный, сказал — иди отсюда, бабка, пока цела. Я больше не ходила. Простите меня, я не хожу больше. Простите.» Она плакала, давая показания. Это было её собственное горе — её собственный долг — и она его отдавала.

Я добила психологической экспертизы по Кирюше. Эксперт-психолог работала с ним дважды, через игру, через рисунки. Заключение было таким, что прокурор на суде читал его ровным голосом, но в одном месте сделал паузу — там, где описывалось, что мальчик в игре с куклами разыгрывает сцену, в которой «папа-кукла» бьёт «маму-куклу», а «мальчик-кукла» прячется под кроватью. Прокурор сделал паузу и продолжил.

Часть 2 статьи 117 УК РФ - истязание в отношении лица, находящегося в зависимости. Плюс эпизод с угрозой в отношении ребёнка — статья 119.

Я сидела в зале на каждом заседании. Я смотрела на него — на этого обыкновенного человека со щербинкой между передними зубами — и я не отводила глаз. Не потому, что мне это нравилось. Потому, что Катя сидела рядом со мной, и я знала: пока я смотрю на него, ей легче не смотреть.

Он получил пять лет шесть месяцев колонии общего режима.

Прокурор просила шесть. Судья дал пять с половиной. Когда зачитывали приговор, Катя плакала. Тихо. Без лица. Я знала, что она плачет не от радости. И не от горя за него. Она плакала, потому что в этот момент, впервые за пять лет совместной жизни с этим человеком, она поняла, что её услышали. Что её жизнь — её, не его, — оказалась важнее.

Это очень тяжёлое чувство. Тяжелее, чем кажется. Когда тебя впервые услышали — это всегда плач. Я видела это десятки раз.

После суда мы вышли на улицу. Была весна, апрель, и под ногами хлюпала вода, и небо было низкое, серое, но в нём были разрывы — там, где-то выше, было что-то синее.

Катя шла рядом. Кирюша держал её за руку. На нём были новые синие тапочки с корабликами — то есть уже не тапочки, кеды, я ему купила к весне. Он их любил.

— Елена Сергеевна, — сказала Катя. — А что теперь?

— А теперь — жизнь, — сказала я.

— Какая?

— Ваша.

Она помолчала.

— Я не знаю, какая она. Я давно не знала, что она моя.

— Вот и узнаете.

Кирюша дёрнул её за руку.

— Мам. Мам. А мы поедem к морю?

Катя посмотрела на меня. Я улыбнулась.

— Поедете, — сказала я. — Этим летом. Я обещала.

Они поехали в августе. В Анапу — недалеко, недорого, но море. Катя прислала мне фотографию: Кирюша стоит по щиколотку в воде, держит в руках камешек, светлый, плоский, морской. У него Катины волосы. Он смеётся.

На обороте фотографии — она прислала её мне в распечатанном виде, через почту, такая старомодная вещь, я даже удивилась, — было написано её круглым почерком: «Елена Сергеевна, спасибо. Мы живые. К.»

Я храню эту фотографию в ящике стола. Рядом с записной книжкой, в которой по-прежнему записан её номер. Я его не стираю — но теперь по другой причине. Не потому, что некому его носить. А потому, что я иногда ей звоню. Просто так. Узнать, как Кирюша в школе. Как у неё на работе — она устроилась бухгалтером в небольшую фирму, выучилась заочно, ей нравится. Как в новой квартире — она съехала из той, и продала её потом по разделу, и купила однушку в другом районе, без воспоминаний.

— Аллю, Катя?

— Здравствуйте, Елена Сергеевна.

— Просто услышать ваш голос хотела.

— А я — ваш. Спасибо, что позвонили.

Это, может быть, не самое профессиональное в адвокатской практике — звонить бывшим клиентам просто так. Но у нашей профессии есть и другая сторона, о которой не пишут в кодексе профессиональной этики. Когда ты однажды вытащил человека из глубокой жизненной ямы — этот человек становится для тебя не клиентом. Он становится частью того, что ты сделал в этой жизни. Маленькой, но важной частью. И позвонить ему раз в полгода — это, может быть, не для него. Это для себя. Чтобы помнить — да, было. Получилось. Успели. Смогли.

Я часто думаю об этом деле. Не о победе. О той секунде в коридоре отдела, когда я собиралась говорить с ней правильно — про шелтер, про ходатайство, про закон, — а вместо этого сказала: «Посмотрите на меня. Пожалуйста.»

В нашей профессии есть такая опасная привычка — прятаться за процедуру. За формуляры. За статьи. За «не положено» и «по закону так нельзя». Это удобная привычка. Она защищает нас от выгорания. От ответственности. От того, чтобы плакать в машине, не доехав до дома.

Но иногда — иногда — нужно её сломать. Нужно перестать быть юристом на пять минут и стать просто женщиной, которая сидит рядом с другой женщиной в плохо освещённом коридоре. Без формуляра. С одной только правдой: «Я тебя слышу. Я с тобой. Пойдём.»

Закон опаздывает на минуту. Я говорила это в начале. Я повторяю это здесь.

Но эту минуту иногда можно отыграть. Не законом — собой. Своим присутствием. Своим «пойдём». Своим решением — в три часа ночи позвонить в кризисный центр, в шесть утра написать заявление, в десять — добиться задержания.

Это не подвиг. Это работа. Просто иногда работу нужно делать не так, как написано. А так, как нужно.

Кирюше сейчас девять. Он по-прежнему рисует кораблики — но теперь не только кораблики. Он рисует море. И берег. И маму на берегу. И иногда — иногда! — рядом с мамой стоит женщина с светлыми волосами, и Катя как-то прислала мне такой рисунок и подписала: «Это Кирюша придумал. Он говорит — это вы.»

Я смотрела на этот детский рисунок — кривая фигура в чёрном костюме, рядом с мамой, на берегу нарисованного моря, — и плакала. Дома, на кухне, одна. Как тогда. Только тогда я плакала от пустоты. А в этот раз — от чего-то другого. От того, что имеет много названий, ни одно из которых не точное. От того, что эта работа всё-таки — иногда — стоит того, чтобы ею заниматься.

Меня часто спрашивают молодые коллеги — что самое важное в нашей профессии.

Я отвечаю: услышать. До того, как закроется дверь.

Это всё. Этому не учат на юрфаке. Этому учит коридор. Лампа, мигающая две вспышки, пауза, одна. Пластиковый стаканчик, который кто-то поставил так тихо, что ты не услышал. Женщина, сидящая на стуле в куртке не по сезону.

Услышать. До того, как закроется дверь. Потому что если ты услышишь — дверь, может быть, не закроется совсем.

И тогда минута опоздания превратится в минуту, которую мы успели.

И этой минуты — иногда — хватает на жизнь.

Кате сейчас тридцать один. Она работает бухгалтером. Она снова улыбается — я видела недавно, мы виделись на дне рождения у Кирюши, он позвал. Она улыбается так, как, наверное, улыбалась в семнадцать лет, когда писала на обороте выпускной фотографии: «Я в этой жизни буду счастливая.»

Не сразу сбылось. Но сбылось. В нашей работе — это бывает редко. Но бывает. Ради этого «бывает» — и стоит идти в коридор. Каждый день. В четверть восьмого вечера. В мокрый октябрь. С недоеденным яблоком в машине.

История вторя. Мальчик с третьей парты

У детей особенный способ молчать. Взрослые молчат громко. У них в молчании — обида, расчёт, страх, упрямство, всё это шевелится под кожей, проступает в глазах, в скулах, в том, как они держат руки. Их молчание — это речь, просто на другом языке.

Дети молчат иначе. Дети молчат пусто. Когда ребёнок замолкает по-настоящему — внутри него ничего не остаётся. Только ровное серое поле, по которому ветер гонит сухой лист, и больше ничего нет. Ни обиды, ни страха. Сдача.

Артём молчал именно так. Он сидел напротив меня в кабинете следователя, сложив руки между колен, и смотрел в одну точку на полу — туда, где облупилась краска и виднелся бетон. Серый плитус, серый линолеум, серый свет из окна. Он сам был серый — кофта серая, джинсы серые, лицо серое. Будто его кто-то выкрутил из стиральной машины и забыл повесить сушиться.

Ему было четырнадцать лет. Я смотрела на него и думала: ребёнок. Ровно ребёнок. У моих знакомых дети такого возраста — они шумные, они огрызаются, они листают телефон, они закатывают глаза, они живые. Этот — не был. Этот был тихий, как старик. И я знала, откуда эта тишина. Я её уже видела.

Это тишина детей, у которых дома никто никогда не спрашивал, как у них дела. Не «получил ли двойку», не «убрал ли игрушки» — а просто, по-человечески: «Как ты, Тёма? Что у тебя?» Этого вопроса в его жизни, я подозревала, ещё не было. Ни разу.

И сейчас, в кабинете следователя, на него смотрели, как на проблему. На задачу, которую надо закрыть к понедельнику. И он это понимал. Он понимал в свои четырнадцать всё, что нужно понимать. Он понимал, что он один.

Следователь — молодая женщина, моложе меня лет на пять, со строгим хвостом и аккуратно подведёнными бровями, — листала бумаги. Она не была злой. Это важно сказать. В нашей системе очень редко встречаются по-настоящему злые люди. Чаще — уставшие.

— Артём, ты понимаешь, в чём тебя обвиняют?

Он кивнул, не поднимая глаз.

— Ответ словами для протокола.

— Понимаю.

— В чём?

— В краже.

— Что именно ты украл?

Молчание. Длинное. Я смотрела на него и видела то, что видела сто раз: подросток, который уже всё для себя решил. Который уже признал. Который уже сдался — потому что в его жизни никогда никто не вступался, и он не верит, что вступятся теперь.

— Артём, — сказала я мягко, — ты ничего не должен сейчас отвечать. У тебя есть право не свидетельствовать против себя. Статья 51 Конституции. Я тебе объясняла. Помнишь?

Он чуть-чуть кивнул.

Следователь подняла на меня глаза. В них была не злость — усталость. У неё было тридцать дел в производстве. Срок поджимал. Артём — лежал у её ног, можно сказать.

«Беседа» с оперативником, без адвоката, потому что «беседа» же не допрос, на «беседе» защитник не положен. Знакомая схема. Я её разбирала на лекциях для молодых коллег — и каждый раз меня перебивали вопросом: «А что с этим делать?» Я отвечала: «Ничего. Только успевать раньше.»

Я не успела раньше.

— Артём, — повторила я. — Ты помнишь, что ты подписал?

— Помню.

— Ты это сделал?

Он впервые поднял глаза. Серые, в светлых ресницах, мальчишеские глаза, которые ещё не успели стать взрослыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.